UDK 821.161.1.09 Gor'kij M.
316.75:323.12(=411.16)(470+571)
https://doi.org/10.18485/ms_zmss.2026.109.16

Юлия Егорова
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
fram1976@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6037-0466

Yuliya Egorova
A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
fram1976@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6037-0466

РОЛЬ М. ГОРЬКОГО В СТАНОВЛЕНИИ СЛАВЯНО-ЕВРЕЙСКОГО ДИАЛОГА

THE ROLE OF M. GORKY IN THE FORMATION OF SLAVIC-JEWISH DIALOGUE

Данная статья является своего рода введением, обзором предстоящей исследовательской работы, посвящённой теме «Еврейский вопрос в жизни и творчестве М. Горького». Писатель был одним из тех деятелей литературы и культуры, кто принимал непосредственное активное участие в установлении дружеских отношений и развитии общественно-политических, культурных, экономических и социальных связей между всеми народами, отстаивал право любой нации на существование, свободу, независимость и самобытность. Горький не признавал и всячески боролся с такими явлениями как антисемитизм, шовинизм и нацизм. Опыт его борьбы и его позиция бесценны и сегодня, в период обострения многих межнациональных конфликтов.

Ключевые слова: Горький, славяно-еврейский диалог, антисемитизм, погромы.

This article is a kind of introduction, an overview of the upcoming research work devoted to the topic «The Jewish Question in the Life and Work of M. Gorky». The writer was one of those literary and cultural figures who took a direct active part in establishing friendly relations and developing socio-political, cultural, economic and social ties between all peoples, defended the right of any nation to exist, freedom, independence and originality. Gorky didn't recognize and in every way fought against such phenomena as anti-Semitism, chauvinism and nazism. The experience of his struggle and his position are invaluable today, during the period of exacerbation of many interethnic conflicts.

Keywords: Gorky, Slavic-Jewish dialogue, anti-Semitism, pogroms.

В реалиях нынешнего времени довольно сложно говорить о развитии славяно-еврейского диалога, однако это необходимо, чтобы, изучая практику и опыт прошлого, избежать непоправимых ошибок в настоящем и заложить крепкий дружеский базис на будущее. Для этого следует с большим вниманием обратиться к деятельности предшественников, кто внёс существенный вклад в становление, укрепление и развитие не только культурных и творческих, но и общественно-политических связей между народами. Одним из таких деятелей был М. Горький, для которого единственной неоспоримой ценностью стал Человек, его поступки, воля и стремления, а не социальный статус, профессиональный выбор или национальная принадлежность. Эпистолярное и публицистическое наследие писателя наглядно демонстрируют его связи с творческой интеллигенцией, а также общественно-политическими деятелями большого количества не только европейских стран, но и государств обеих Америк, Азии и Африки. Среди них: Б. Кассирер, О. Нойман-Хофер, А. Шольц, Ш. Алейхем, Б. Прусик, М. Рейгардт, Д. Янг, И. Левит, Г. Брандес, А. Бебель, А. Галлен, Э. Фёрстер-Ницше, М. Хилквит, И. Киодзи, Г. Уэллс, Ф. Нансен, Т. Масарик, А. Барбюс, Р. Роллан, Б. Муссолини и мн.др. Его деятельность и авторитет в области литературы и общественно-политической сфере оказали серьёзное влияние на становление и развитие профессионального мастерства многих выдающихся писателей первой трети XX-го века. В этой связи можно говорить и о влиянии Горького на развитие национальных литератур советского периода. Данной теме было посвящено немало работ как современных исследователей, так и их предшественников (Ерёмина 1994; Закрадка 1993; Лазарев 1990; Медведенко 1993; Орёл 2019; Уайл 1993 и др).

Однако в этой области есть некоторые лакуны, требующие более пристального внимания и детальной проработки. Одна из таких тем — еврейский вопрос в жизни и творчестве М. Горького. Как отмечает О. В. Шуган в предисловии к книге М. Л. Уральского *Горький и евреи,* этот аспект до настоящего времени относился «...к разряду “запретных по умолчанию”» (Уральский 2018: 10). Источниковедческий поиск выявил относительно небольшое количество исследований и научных работ по этой теме, что подтверждает актуальность и перспективность данного направления, а также необходимость его изучения (Егорова 2012: 119–132). Восполнение лакуны позволит более широко и объективно говорить о влиянии Горького как писателя, философа и общественного деятеля на формирование национальных литератур и общественных настроений в начале XX века. По мнению итальянского филолога-слависта и переводчика Стефано Гардзонио, «уникальный опыт Горького как декларативного общественника-филосемита был, несмотря на возвеличивание его личности в целом, целенаправленно обойдён молчанием и вследствие этого исключён из сферы духовного опыта нескольких поколений россиян» (Уральский 2018: 5). Изучение данного вопроса привело исследователя к неутешительному к выводу, что

«...и в западном горьковедении тема “Горький и евреи” оказалась, как ни странно, обойдённой вниманием исследователей» (Уральский 2018: 5).

Одними из первых ещё в середине 1980-х годов значение Горького в славяно-еврейском диалоге стали изучать М. Агурский и М. Шкловская. В частности, они отмечали: «Вряд ли найдётся русский культурный или общественный деятель XX века, который бы в такой мере, как Максим Горький, был знаком с еврейскими проблемами, с еврейскими культурными ценностями, еврейской историей, политическими и духовными исканиями еврейского народа. Трудно назвать ещё кого-нибудь, кто имел бы столь широкие личные связи в еврейском мире — начиная от еврейских революционеров и кончая выдающимися религиозными лидерами» (Агурский – Шкловская 1986: 5). Ярким подтверждением этих слов является Архив писателя, в котором хранятся сотни писем двусторонней переписки Горького с видными еврейскими деятелями литературы и культуры, издателями и переводчиками, учёными и юристами, общественными деятелями. В список вошли имена: Шолом-Алейхема, Шолома Аша, Хаима Бялика, Оскара Грузенберга, Берла Кацнельсона, Давида Айзмана, Владимира Жаботинского, Константина (Копеля) Айзенштейна, Алексея (Абрама) Баха и мн.др[1]. Другой, не менее многочисленной, является группа писем от представителей еврейской молодёжи. К Горькому обращались начинающие поэты и писатели с просьбой дать совет, как научиться писательскому мастерству, насколько сложно писать правдиво, определить, есть ли у них талант к литературной деятельности. Школьники и студенты делились своими в чем-то наивными, романтическими рассуждениями о поиске смысла жизни и справедливости, просили рассудить их в житейских ситуациях. К третьей группе можно отнести письма лишенцев: многие обращались к Горькому за конкретной помощью, особенно в тяжёлые послереволюционные годы, годы реакции, период страшного голода начала 20-х годов.

Говоря об отношении Горького к еврейскому вопросу, стоит отметить, что складывалось оно под влиянием исторического контекста конца XIX века, когда в кругу российской либерально настроенной интеллигенции витали довольно благосклонные, наполненные симпатией к евреям настроения. Немаловажную роль сыграло и место, в котором прошло детство писателя. Нижний Новгород — большой, по меркам того времени, торговый город, «широко расположившийся у слияния двух судоходных рек» — Волги и Оки (АГ. Волжанин. МОГ-2–55–1). Здесь на протяжении многих веков проживали люди разных национальностей: русские, татары, евреи, чуваши и др. С юных лет наблюдая за жизнью разных народов, их традициями и культурой, Алексей Пешков научился уважительно относиться ко всем народностям.

Несколько лет, проведённых в Казани, знакомство и общение с революционно настроенной молодёжью татарской столицы, изучение трудов

---

[1] См.: Горький М. *Полное собрание сочинений.* Серия*: Письма*. М.: Наука. Тт. 1–22.

европейских философов существенно изменили взгляды и мировоззрение молодого человека. Он вернулся в Нижний Новгород совсем другим человеком. В мемуарах Осипа Израэльсона, познакомившегося с Пешковым в конце 1880-х годов на собраниях «радикально» настроенной интеллигенции, молодой человек предстал прекрасным рассказчиком и умелым оратором. Его речи напоминали «сочные, яркие мазки», а в способности «рассказывать чувствовался несомненный художник» (АГ. Волжанин. МОГ-2–55–1).

Вполне логично, что Алексей Пешков решил попробовать себя на писательском поприще. Большое влияние на становление его литературного мастерства оказал В. Г. Короленко, писатель-гуманист, который неоднократно вставал на защиту угнетаемых народностей, в том числе и евреев. Трагические события в жизни вынудили Алексея летом 1890-го года отправиться в странствия по югу России. Через год на полпути между Харьковом и Николаевым Алексей набрёл на еврейскую земледельческую колонию «Добрая», в которой проживало около 200 еврейских семей. Пешков нанялся в одну из них батраком, выполняя обязанности «шабес-гоя» — человека, делавшего работу, которой евреи не занимаются по субботам. Позже в беседе с сионистским деятелем Цви Коздой Горький с теплом вспоминал о времени, проведённом в колонии в еврейской семье: «Евреи совсем не являются мне чужими <...> Скажу вам правду, я никогда не забуду приятную и естественную святость их образа семейной жизни и даже сегодня, когда вспоминаю об этом, я ощущаю нечто вроде воодушевления, которое я испытывал тогда <...> Мне нравилась та оригинальная естественность, которую я находил у них. Но сейчас, мне кажется, уже и евреи далеко отошли от своей естественности и больше невозможно найти у них той поэзии, которая возвышала и изменяла души даже посторонних людей, невзначай приходящих к ним» (Коздой).

Обойдя юг России, побывав в Тифлисе (Грузия), Алексей Пешков отправился вверх по Волге обратно в Нижний Новгород. За время странствий у него накопилось большое количество впечатлений и готовых сюжетов, которыми ему хотелось поделиться. В 1894 году Пешков в качестве внештатного автора начал сотрудничать с крупным провинциальным изданием *Самарская газета*, а уже через год — в феврале 1895-го — по рекомендации В. Короленко стал его штатным сотрудником. Так он оказался в Самаре. В редакции молодой человек познакомился с судебным следователем при Самарском окружном суде Якобом Тейтелем, известным своей филантропической деятельностью. Много позже, в 1925 году, Тейтель в воспоминаниях напишет о своих впечатлениях о новом сотруднике следующее: «А[лексей] М[аксимович] очень интересовался еврейским вопросом. Интересовался как-то особенно, не слегка, не по обязанности либерального писателя, а старался понять самую суть жизни еврея и, чтобы вернее понять, старался познакомиться с его языком и брал уроки древнееврейского языка...» (Тейтель 1925: 91). Об увлечении начинающего писателя еврейской

культурой, историей и литературой говорит и тот факт, что в его библиотеке хранился переведённый на русский язык Талмуд.

В середине 90-х годов XIX века, когда Горький заявил о себе как о писателе, у него в числе прочих вышли несколько рассказов, связанных с еврейским вопросом: «Легенда о еврее», опубликованный 4 августа 1896 года в *Нижегородском листке*; «Каин и Артём» (написан осенью 1898 года) вышел в свет в журнале *Мир Божий*, 1899. № 1; незавершённый цикл рассказов под общим названием *Публика* (1899–1900-е годы); очерк «Погром» (1900), написанный для сборника *Помощь (Помощь евреям, пострадавшим от неурожая,* СПб., 1901). Здесь нашли отражение жуткие события 1884 года — еврейского погрома, произошедшего в ночь с 7 на 8 июня в Нижнем Новгороде, в Канавине, свидетелем которого стал 16-летний Алёша Пешков.

История создания сборника *Помощь* заслуживает отдельного внимания, поскольку в период работы над ним произошло заочное знакомство по переписке Горького с еврейским писателем Шоломом-Алейхемом (Егорова 2024: 28–33). Летом 1901 года Горький решил реализовать одну из своих давних задумок: познакомить русского читателя с еврейской литературой и выпустить отдельным изданием рассказы молодых, но уже довольно известных еврейских писателей. На эту мысль его навело участие в сборнике *Помощь евреям, пострадавшим от неурожая* (СПб., 1901), инициаторы которого хотели привлечь внимание русской общественности к проблемам евреев юго-западных областей России, оказавшихся в тяжёлой жизненной ситуации, вызвать в обществе чувство сострадания и терпимости к этому народу, а также призвать к проявлению веротерпимости в целом. Другой целью издания была борьба с антисемитизмом, распространившимся в России на рубеже XIX–XX веков. Для успешной реализации поставленных задач ряд очерков и статей в сборнике были направлены на развенчание антиеврейских мифов и стереотипов, бытовавших в массовом сознании. Темы иудаизма и еврейства, неравноправия, униженного положения евреев в российском обществе перемежались с другими актуальными социальными, литературными и научными вопросами. Чтобы придать значимость и авторитет сборнику, к участию были привлечены не только выдающиеся русские и зарубежные литераторы того времени — В. В. Барятинский, В. В. Вересаев, Н. Г. Гарин, М. Горький, В. Г. Короленко, Э. Золя, но и видные учёные: В. П. Бузескул, В. И. Герье, И. М. Сеченов, Вл. Соловьев, П. Б. Струве, К. А. Тимирязев, А. И. Чупров и др. По просьбе члена редколлегии В. П. Потёмкина, Горький предложил для сборника свой очерк *Погром* (1901).

Участие в этом проекте вдохновило писателя на создание книги *Еврейские беллетристы*, посвящённой современной еврейской литературе (издание не было осуществлено). Для реализации задуманного Горький обратился за помощью к В. Потёмкину: «Мне давным-давно хочется познакомить

русскую публику с еврейской литературой, — писал он 11 августа 1901 года. — С этой целью я предложил компании молодых евреев перевести мне с жаргона, [и] с немецкого языка и других рассказы еврейских писателей. Мне перевели штук 20 маленьких рассказиков Перетца, Аша, Наумберга и других, переводы эти я печатаю в "Нижегор. Листке", а затем намерен издать их книжкой *Еврейские беллетристы*, и думаю пристроить к этой книжке маленькое предисловие <...> Сам я еврейской литературы, <...> не знаю, переводчики — молодые ребята, дело же я считаю очень серьёзным. А потому — Вы, так блестяще редактировавший *Помощь*, придите помочь мне! Вам должна быть известна литература, Вы разберётесь в достоинствах переводов и вообще можете придать всей этой затее солидный вид. Помогайте!» (Горький 1997: 151).

Примерно через неделю с просьбой об участии Горький впервые обратился к незнакомому с ним тогда Шолому-Алейхему: «Милостивый государь Соломон Наумович! В целях ознакомления русской публики с еврейской жаргонной литературой мною, вместе с компанией лиц, издавших, наверное, известный Вам сборник *Помощь*, предпринято издание сборника рассказов еврейских авторов» (Горький 1997: 151–152). Желая заручиться согласием адресата, Горький предложил ему весьма комфортные условия: «Форму участия Вашего, как и вознаграждение за труд, будьте любезны определить сами» (Горький 1997: 152). Шолом-Алейхем с радостью принял предложение и без промедлений включился в работу. Уже к середине ноября 1901 года им был подготовлен ряд соображений относительно сборника, намечено его содержание, дан перечень известных еврейских писателей и их произведений. Также в своей программе писатель затронул вопросы композиции и перевода рассказов на русский язык. Обо всё этом он сообщил в письме одному из редакторов книги *Помощь евреям* О. Б. Гольдовскому: «... я бы хотел блеснуть в Вашем издании непременно последними моими мелкими рассказами о "маленьких людях" <...> я нахожусь нынче в периоде полной продуктивности. Такая масса образов, типов, картин и ситуаций и так много забот о хлебе насущном!» (АГ. ПТЛ-16–61–1). В конце письма Шолом-Алейхем выразил своё почтительное отношение к Горькому: «На прощание прошу передать мой глубочайший привет высокодаровитому моему брату-славянину, произведения которого я теперь сызнова перечитываю и поражаюсь их мощности и необыкновенной талантливости» (АГ. ПТЛ-16–61–1). Горький был благодарен за согласие сотрудничать, однако отклонил предложение ознакомиться с присланным содержанием будущей книги, сославшись на недостаточную осведомлённость в области еврейской литературы: «Уважаемый Соломон Наумович! Спасибо за письмо и за участие Ваше в таком хорошем деле! Если Вы пришлёте мне Ваши рассказы, предназначенные для сборника, — я с удовольствием прочту их, что же касается предложения Вашего вникнуть в содержание программы сборника — я это отклоняю от себя по следующим соображениям: будучи совершенно не знаком с еврейской литературой, я не могу принять

на себя ответственность редактора...» (Суворова 1994: 296). Пожалуй, с этого письма началось их многолетнее сотрудничество, проникнутое глубоким уважением и симпатией друг к другу.

Кроме популяризации еврейской литературы, Горький оказывал и вполне конкретную «адресную» помощь. Так, в 1902 году он стал крёстным отцом нижегородца Ешуа Золомона Свердлова — брата Якова М. Свердлова, дав ему своё отчество и фамилию. Принятие православия было необходимым условием для поступления в консерваторию подающему большие надежды в музыке молодому человеку, получившему при крещении имя Зиновий. В дальнейшем он сделал блестящую военную карьеру во Франции, став генералом Иностранного легиона и соратником Шарля де Голля.

Сближение Горького с социал-демократами, настроенными против сионизма, стало причиной некоторого охлаждения писателя к еврейскому вопросу. В конце февраля 1903 года Ленин также дал довольно резкую оценку сионизму (Ленин 1959: 117–122). Еврейская фракция русских социал-демократов — Бунд, с которой Горький контактировал, — тоже была враждебно настроена к сионизму. Все эти настроения изменили, несколько ослабили, но не погасили интерес писателя к политическому сионизму. Весной 1903 года произошло событие, вызвавшее широкий резонанс в обществе, и усугубило без того сложное положение. Накануне христианской Пасхи в Кишинёве произошёл еврейский погром. Яков Берштейн-Коган попросил Горького в прессе осудить бесчинство. Писатель откликнулся статьёй «По поводу Кишинёвского погрома»[2]. В воззвании он обвинил в случившемся антисемитскую прессу и в частности — сотрудников «Нового времени» Алексея Суворина и Виктора Буренина, а также Величко, Шарапова, Комарова, Крушеван, Пятковского и др. Двое из указанных лиц, Буренин и Суворин, на страницах издания вступили с писателем в открытую полемику. Буренин переложил вину на писателя, указав на то, что погром учинили столь «любимые воспеваемые им босяки». Суворин, в свою очередь, противопоставив А. П. Чехову Горького, в грубой и резкой форме подверг критике творчество последнего: «Чехов рисует людей, а Горький — чертей <...> Присмотритесь к большинству его лиц в его рассказах и в "На дне". Всё это черти, а не люди. Известно, что черти — враги человека. Человек признал известный общественный порядок, в котором и живёт. Черти ничего подобного не признают...» (*Новое Время*).

В конце зимы 1905 года снова произошло событие, на которое Горький отреагировал гневным письмом-воззванием «О Кавказских событиях»[3]. 6–9 февраля в Баку возник серьёзный конфликт между армянами и татара-

---

[2] Статья вышла сразу в нескольких изданиях: Сборник *Кишинёв*, Берлин, 1903. № 1. С. 1–4; газета *Освобождение,* Штутгарт, 1903. №24. 2 июня; газета *Революционная Россия*, Париж, 1903. №24. 15 мая. Позже она вошла в сборник *Революционный путь Горького.* Москва, 1935. С. 80–82.

[3] Письмо «О Кавказских событиях» вышло отдельной брошюрой в женевском издательстве «Демос» 15 июля 1905 года.

ми (как тогда называли азербайджанцев), закончившийся кровавой резнёй. Главный редактор Бакинской газеты *Каспий* обратился к писателю с просьбой дать оценку произошедшему. Горький обвинил во всех жестоких и по своей сути бессмысленных беспорядках богатое сословие и власть имущих, усматривая в их чудовищном стравливании народов между собой боязнь потери власти и контроля управления: «...Паразиты <...> открыто науськивают, как собак, русских на евреев, поляков и финнов, татар на армян и грузин, отупевшего от голода, забитого мужика на студентов и даже детей!..

<...> Все люди — татары, русские, армяне и евреи, поляки, финны — все хотят одного: жить лучше, чем им живётся. И у всех одинаково нет свободы, нет права жить сообразно племенным, религиозным и бытовым условиям своим» (Горький 1905: 8–9, 11). Царская цензура запретила печатать воззвание в России, поэтому оно вышло в Женеве.

В декабре того же года у Горького состоялась встреча с одним из лидеров сионистского движения — Нахумом Соколовым. Во время беседы писатель в очередной раз высказал своё мнение относительно погромов, ассимиляции еврейского народа и вопросов сионизма:

«— Я хочу заявить, — сказал Горький, — что категорически возражаю против ассимиляции евреев другим народом <...>, так как ассимиляция — это убийство, а особенно ассимиляция евреев <...>

— Я смотрю на евреев, — продолжал он, — не как на отвлечённое явление, а как на “реальный факт”. Евреи должны существовать. Им нужно дать широкую автономию — не только с точки зрения их собственной пользы, а с точки зрения пользы всего мира» (Агурский — Шкловская 1986: 445–446). Горький также выразил осведомлённость в вопросе создания сионистско-социалистической партии, однако считал, что «... евреи, <...> будучи богаты в одном, оказываются бедными в другом!» Подведя итоги беседе, Соколов резюмировал: «В области политической мысли, по мнению Горького, еврейское творчество не является значительным и последовательным. Евреи — не “государственники”» (Агурский — Шкловская 1986: 448).

Весной 1906 года по прибытии в США у Горького состоялись встречи с редактором социалистической газеты на идише *Форвертс* Абрахамом Каганом, известным еврейским социалистом и поэтом Абрахамом Лесиным и другими еврейскими общественными деятелями. По просьбе Кагана, писатель дал для издания развёрнутое интервью, опубликованное под названием «Обращение к нью-йоркским евреям». В переводе на русский язык оно больше известно под заглавием «О Бунде» и вошло в сборник *О евреях*. В статье Горький напрямую связал евреев с созданием и построением социализма: «Евреи <...> дали христианам их религию, они же теперь самые выдающиеся носители и толкователи новой религии — социализма, ибо как бы ни рассматривать социализм — с теоретической ли, или с философской точки зрения, — он содержит в себе мощный дух и пламя религии» (Горький 1906: 10).

Осенью 1906 года Горький перебрался из Америки в Италию, на солнечный Капри, где заканчивал работу над повестью *Мать*. Через год, осенью 1907 года, во Флоренции произошло его знакомство с А. В. Луначарским. Писатель не считал себя его последователем, однако признавал общность идейных взглядов: оба подвергали критике устройство старого царского режима, взамен которому предлагали создать яркий образ творца нового мира, новой веры и религии — социалиста, готового ради совершенного будущего к самопожертвованию. Довольно скоро их общение переросло в дружбу. В этот период в Италии собралась целая группа единомышленников, в число которых вошли А. Богданов, В. Базаров и др. Пик этих отношений пришёлся на 1907–08 годы. Это был период, получивший название «богостроительства», увлечение новыми идеями вытеснили у Горького не только юдофильские, но и революционно-марксистские настроения, что категорически не нравилось В. И. Ленину. Помимо общности взглядов Горького и Луначарского сближала совместная работа (до декабря 1909 года) в Каприйской партийной школе, которой оба отдавали много времени и сил.

Громкий процесс Менделя Бейлиса, обвинявшегося в ритуальном убийстве христианского подростка Андрея Ющинского в начале апреля 1911 года, вернул интерес Горького к еврейскому вопросу. В конце марта — начале апреля 1912 года он написал письмо, зачитанное 4 апреля 1912 года в Париже организаторами митинга протеста против «дела» М. Бейлиса:

«...каждый раз, когда мне приходится участвовать в протестах против оклеветания евреев в изуверстве, против утверждений, что евреи обладают каким-то особенно злыми свойствами, — каждый раз я чувствую себя [смущённым] в этих случаях <...>

Мне кажется, что не протестами [победим мы] можно искоренить эту клевету, а лишь знанием истории еврейского народа, знакомство с духом нации.

<...> только знание [даёт нам] приведёт нас к справедливости, только знание поможет нам перестроить нашу трудную жизнь» (Горький 2003: 5, 358).

Начало Первой мировой войны с новой силой всколыхнуло антисемитские настроения в России. Горький в очередной раз вступился за еврейский народ. По его инициативе и непосредственном участии было создано Общество борьбы с антисемитизмом. Вот что об этом в своих воспоминаниях писала одна из адресатов Горького — В. Е. Беклемишева (в замужестве — Копельман):

«В 1915 г. царское правительство начало распространять слухи о почти поголовном шпионаже евреев в прифронтовой полосе. Начались массовые военные суды и расстрелы. Несколько петербургских адвокатов отправились на фронт в Польшу и Лифляндию, чтобы на месте получить материалы, опровергающие обвинения, и с думской трибуны заявить о лживости распространяемых в войсках и народе слухов.

В это же время по инициативе М. Горького, А. М. Калмыковой, Н. Д. Соколова, Ф. Сологуба, Л. Андреева, А. Чеботаревской и ряда общественных деятелей возникла мысль организовать Общество борьбы с антисемитизмом» (АГ. Беклемишева. МОГ-1–16–1).

На одном из первых заседаний Общества были заслушаны многочисленные собранные на фронте свидетельства, подтвердившие невиновность обвинённых в шпионаже людей и показавшие бедственное положение населения, проживавшего в прифронтовой зоне.

«Алексей Максимович, — продолжала Беклемишева, — призывал бороться с проявлением антисемитизма и правительственной политикой натравливания одной части населения на другую.

Летом Н. Д. Соколов ездил по поручению Общества открывать в разных местах пункты питания для беженцев. По возвращении он поднял вопрос о необходимости эвакуировать из прифронтовой полосы страдающее от военных действий население (евреев, литовцев, поляков)» (АГ. Беклемишева. МОГ-1–16–1).

После этой поездки в прифронтовую зону члены Общества приняли решение организовать отряд, который должен был отправиться к месту военных действий, чтобы осуществлять контроль по безопасной эвакуации мирного гражданского населения. Горькому отводилась роль финансового обеспечения данной операции. К сбору средств он привлёк Общество художников и издателя Зиновия Гржебина.

Также к 1915 году относится создание Русского общества для изучения жизни евреев, инициированное Горьким, а в сентябре того же года при поддержке и участии Л. Андреева и Ф. Сологуба им был издан сборник *Щит*, посвящённый защите гражданских прав евреев России. Издание просуществовало недолго, свет увидели всего три выпуска. В одном из номеров Горький процитировал запомнившиеся ему слова еврейского мудреца Гиллеля:

«Если ты не за себя, то кто же за тебя? Но если ты только для себя — зачем ты?

Смысл этих слов, — размышлял Горький, — показался мне глубоко мудрым, и я истолковал его для себя так: я должен сам действенно заботиться о том, чтобы мне жилось лучше, я не должен возлагать забот о себе на чужие плечи. Но если я стану заботиться только о себе, только о моей, личной жизни, — эта жизнь будет бесполезна, некрасива и лишена смысла.

Это очень крепко въелось в душу мою, и я уверенно говорю — мудрость Гиллеля была крепким посохом в пути моём, неровном и нелёгком. <...> Гиллель нередко помогал мне своею ясною мудростью» (Агурский — Шкловская 1986: 171).

В 1916 году Горький вынашивал планы по изданию литературно-исторического сборника *Евреи на Руси*, куда, по его замыслу, должны были войти беллетристические, научные и публицистические произведения на темы из жизни русских евреев. Для участия в нём он хотел привлечь

видных русских писателей, но по причине Февральской революции и последовавших за ней общественно-политических событий замысел остался неосуществлённым.

1 мая 1917 года в Петрограде при непосредственном участии Горького начала выходить ежедневная газета *Новая жизнь.* К сотрудничеству был привлечён известный сионист Соломон Зальцман — крупный издатель еврейской литературы на русском языке. Вплоть до закрытия издания большевиками летом 1918 года Горький печатал в ней свой цикл статей *Несвоевременные мысли.* В одном из номеров писатель (Горький 1917) довольно резко поставил на место еврейского журналиста Иосифа Хейсина, позволившего себе нелицеприятно отозваться о членах царской семьи, находящихся в то время под арестом. Хейсин, смакуя ненужные подробности, описал тяжёлое положение венценосных арестантов и нелицеприятную сцену, когда толпа злобно смеялась над едкой издёвкой, брошенной кем-то в адрес Александры Фёдоровны.

«Я считаю нужным, — жёстко отреагировал Горький, — по условиям времени, указать, что нигде не требуется столько такта и морального чутья, как в отношении русского к еврею и еврея к явлениям русской жизни.

Отнюдь не значит, что на Руси есть факты, которых не должен критически касаться татарин или еврей, но — обязательно помнить, что даже невольная ошибка, — не говоря уже о сознательной гадости, хотя бы она была сделана из искреннего желания угодить инстинктам улицы, — может быть истолкована во вред не только одному злому и глупому еврею, но — всему еврейству» (Горький 1990: 72–73).

Тогда на страницах *Новой жизни* Горький осудил не только бестактный и необдуманный поступок Хейсина, способный поднять очередную волну антисемитских настроений в обществе. Его резкой критике подверглись и большевики еврейского происхождения Григорий Зиновьев (Радомысльский) и Моисей Володарский (Гольдштейн).

В 1919 году Горький заметил, что с падением царского режима, который неоднократно обвиняли в распространении антисемитских настроений среди населения России, сила этих настроений не только не уменьшилась, но, напротив, возрастала. Писатель усмотрел в этом проявление народного антисемитизма. Свои мысли по этому поводу он изложил в статье «О евреях», вышедшей отдельной брошюрой в издательстве Петроградского Совета Рабочих и Крестьянских Депутатов в 1919 году, а также написал послесловие к труду С. Гусева-Оренбургского *Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.*, опубликованному в 1921 году в издательстве З. Гржебина в Берлине. В обоих случаях Горький резко осуждал народный антисемитизм, называя его «отвратительной болезнью», которую необходимо немедленно, сложно и длительно лечить.

Осенью 1921 года по настоятельной рекомендации В. Ленина писатель покинул Советский Союз и отправился в Германию. В апреле 1922 года он дал интервью Шолому Ашу — сотруднику еврейской газеты *Форвертс*,

издававшейся в Америке. Основная тема беседы — евреи и антисемитизм в России. Во время разговора собеседники затрагивали различные темы: что думают уехавшие из России о голоде, об отношении к евреям в стране, о закрытии еврейских школ еврейскими же большевиками, о проявлениях антисемитизма в Красной Армии, о борьбе против использования в обиходе древне-еврейского языка, о театре «Габима» и мн.др. Поскольку поднятые вопросы всегда находили живой отклик у Горького, он довольно открыто и откровенно выражал своё мнение. Несмотря на общий конструктивный и объективный тон беседы, сразу после выхода интервью писатель подвергся резкой критике читателей по обе стороны океана, его стали обвинять в антисемитизме. Горький вынужден был выступить с объяснениями: на сей раз со страниц ежедневной газеты на идиш *Фрайхайт* — печатном органе еврейской секции компартии США. Так что же не понравилось читателям? Им не понравился общий настрой писателя и, в частности, его мнения по отдельным темам. Например, на вопрос Шолома Аша, в чём причина антисемитизма в России, Горький ответил:

«Причина антисемитизма в России — нетактичность еврейских большевиков. <Подчёркивание здесь и далее М. Горького. — *Ю. Е.*> Еврейские большевики, не все, но безответственные мальчишки, взялись за святотатство святынь русского народа. Они обратили церкви в кинематографы, в читальни, они не считались с чувствами народа. Еврейские большевики должны были оставить это за русскими большевиками <...> Русский человек, как русский крестьянин, хитрый, скрытный. В данную минуту он отнёсся совершенно дружелюбно, улыбнётся, но глубоко в сердце он навсегда утаит, что еврей “охулил его святыню”.

Мы должны бороться против этого, ради будущности евреев в России надо предостерегать европейских большевиков: держитесь подальше от священностей, принадлежащих русскому народу. <...> Не вмешивайтесь в те дела, имеющие отношение к русской церкви и к русской душе.

Наверное, евреи не виноваты. Среди большевиков находится много провокаторов, <...> Но евреи должны были воздержаться от этого, евреи должны были понимать тот яд, который они впускают этим в сердце русского народа. Они должны были остерегаться этого. <...>

Все знают моё отношение к евреям. <...> В России меня считают евреем, как считают всех большевиков с Лениным во главе. <...> так что мне нечего опасаться, что меня заподозрят в несправедливости — я хочу предостеречь часть еврейских большевиков: “Держите руки прочь от русских святынь”» (АГ. Шолом Аш. МОГ-1–49–1)[4].

Как позже выяснилось, эти слова, вызвавшие острую негативную реакцию читателей, не совсем принадлежали Горькому. Шолом Аш лишь

---

[4] Машинописный текст интервью Шолома Аша с подчёркиваниями Горького, опубликованный в газете *Форвертс*, хранится в Архиве писателя в Институте мировой литературы.

уловил общий смысл горьковских высказываний, остальное, поддавшись экспрессии и ораторскому обаянию писателя, добавил от себя, облекая их в свойственную ему манеру. Таким образом, Шолом Аш оказал Горькому медвежью услугу, за которую последний довольно продолжительное время вынужден был извиняться и давать объяснения. Как отмечал обозреватель журнала *Жизнь национальностей* И. Трайнин: «Для пишущего эти строки ясно, что Шолом Аш “по памяти” восстановил разговор в том именно виде, как это нужно “Форвертсу”. Ибо нужно знать, что представляет собой эта газета!

Это тип сенсационной американской газеты, <...> спекулирующей на инстинктах обывателя своими жёлтыми романами, головокружительными сенсациями, “связками интимных писем”, на которые так падки в “стране жёлтого дьявола” <...> Вот почему можно допустить, что слова Горького, воспроизведённые “по памяти” Шоломом Ашем и помещённые именно в “Форвертсе”, получили то отражение, которое этой газете нужно.

... Шолом Аш, желая угодить “Форвертсу”, “по памяти” прикрасил интервью и придал ему сенсационный характер» (Трайнин 1922: 5–6).

В конце лета 1922 года Шолом Аш узнал о разгоревшемся по его вине скандале, попытался сгладить ситуацию и объясниться перед Горьким. В письме от 11 сентября он признал тот факт, что сам невольно спровоцировал скандал, добавив от себя несколько строк в горьковские высказывания:

«...Во время моего пребывания в Польше я не имел возможности следить за газетами, в которых много писалось об интервью, что я имел с Вами. Я прочитал в “Голосе России” статью, в которой Чернов пишет, что Вас обвиняют в антисемитизме. Я счёл нужным <...> протестовать против этого в еврейской прессе Америки и Польши, а равным образом в “Голосе России”, причём я отметил беседу, <...> в которой Вы высказывали Ваше сожаление по поводу положения еврейского вопроса со всей той искренней тревогой, какую можно было ожидать от Вас.

Я не знаю, читали ли Вы это моё письмо. Я в нём заявил, что выражение “руки прочь от русских святынь” было, может быть, употреблено мною лично. За это я принимаю на себя полную ответственность. <...> Дело было в настроении, которое во мне вызвал разговор с Вами. Под сильным впечатлением Ваших слов и бестактности части еврейских комиссаров я не мог сдержать возбуждения и вместе с Вашими словами у меня вырвалось выражение ненависти против этих лиц.

Только теперь, в Берлине мне сообщили, что Вы сказали, будто я опубликовал наш разговор без Вашего ведома и что Вы меня на это не уполномочивали» (АГ. Шолом Аш. МОГ-1–49–1).

Несмотря на все старания Шолома Аша загладить конфликт и принести извинения, ящик Пандоры оказался открытым. В российской прессе стали появляться злобные статьи в адрес Горького. Но были и другие голоса, выступившие с поддержкой в это непростое для писателя время. В этом смысле интересным кажется письмо от незнакомого Горькому немца Ру-

дольфа Шульца из Лейпцига, написанное 8 мая 1923 года: «... Я часто и охотно думаю о Вас, и я беспокоюсь, что над Вашей головой начала собираться гроза после того, как Вы дали роковое интервью журналисту Шолом Ашу, которое было широко опубликовано в американских и датских газетах. Следствием этого — было появление весьма враждебной статьи в "Известиях" от 7.VII.22[5]. В этой статье Стеклов, приводя вначале Ваши слова из пьесы *На дне,* упрекает Вас во лжи, реакционном образе мыслей, смехотворных, детских взглядах и т. п. Утверждения Шолом Аша о том, что Ваши высказывания диктовались "глубокой любовью к евреям", он считает недостаточно доказательными» (АГ. КГ-инГ-5–31–1). Рудольф Шульц опасался и предупреждал Горького, что после разгоревшегося скандала над ним может нависнуть реальная угроза оказаться «в открытом листе ЧК». Адресат просил дать ему разъяснения по поводу еврейского вопроса в связи с большевизмом. Однако узнать, что ответил Горький, не представляется возможным, поскольку его встречного письма в Архиве нет.

Пока в прессе писателя обвиняли в антисемитизме, в Харькове над ним устроили заочный показательный суд. На защиту Горького единодушно встали сионисты. Рядом статей откликнулся берлинский журнал «Рассвет», а также писатель, историк Залман Шазар, признавший справедливость слов Горького: «Резки обличения Максима Горького, слова его горьки, как полынь, однако правдивы, достоверны и исходят они из глубины скорбящего сердца верного друга <...> Они, собственно, направлены против двух частей еврейского коммунистического лагеря: против тех, кто рассматривает себя как частицу русской революции, кто находится среди её деятелей, <...> а также против тех, кто отделился от общего потока и выбрал себе в революции еврейский дом <...>

Обвинение против первых — не новое, <...> сводится к следующему: отсутствие такта. <...>

Против антисемитизма Горький борется много лет и останется верен этому и в будущем. Так в чём же дело? Дело в такте, дети Израиля! Не забывайтесь! <...>

Если ему, русскому пролетариату, можно делать что-то, даже если он в это не верит так, как, например, ты, ему всё же можно сражаться <...>, а тебе нельзя. <...>

Ты должен учитывать национальный аспект, помнить о будущем и не забывать об ответственности. Этого требуют не только защитники освобождения евреев и не только противники ассимиляции. Этого требуют также и выдающиеся борцы за всеобщую свободу и такие друзья евреев, как Горький» (Агурский — Шкловская 1986: 481–482).

Несмотря на обрушившуюся со всех сторон критику, еврейская тема продолжала присутствовать в творчестве Горького, в частности в таких его

---

[5] Речь идёт о статье Давида Израилевича Эрде «На дне», опубликованной в газете *Известия* (1922. № 149(1588). 7 июля. С. 4.

произведениях, как сценарии «Жизнь одного еврея» (конец 1922 — начало 1923), рассказе «О первой любви» (1923), романе *Дело Артамоновых* (1925) и др. В 1927 году писатель снова высказал своё бескомпромиссное мнение в отношении еврейских погромов на Украине в контексте процесса над С. Шварцбардом, убившим Петлюру.

По приезде Горького в Советский Союз в конце мая 1928 года и вплоть до самой кончины в июне 1936 года в прессе периодически появлялись его статьи об антисемитизме. В этом вопросе он годами проявлял непреклонность и бескомпромиссность, тем самым отстаивая свои взгляды и право еврейского народа на свободу, уникальность, независимость и оставаясь его преданным другом. Но эту позицию Горький демонстрировал и в отношении других народов. Он не делил их на «хорошие» и «плохие», пресекал и боролся с дерзкими проявлениями превосходства одной нации над другой. Горький вставал на защиту самобытности и отстаивал право на свободу не только еврейского народа. Его глубоким убеждением, которое он пронёс через всю жизнь и своё творчество, стали слова, произнесённые им на еврейском митинге в Нью-Йорке в 1906 году: «Я не верю во вражду рас и наций. Я вижу только одну борьбу — классовую...» (Горький 1906: 3).

ЛИТЕРАТУРА:

Агурский Михаил, Шкловская Маргарита. *Из литературного наследия. Горький и еврейский вопрос*. Иерусалим: Еврейский университет, Центр по исследованию и документации восточноевропейского еврейства, 1986.

Архив А. М. Горького ИМЛИ РАН — далее АГ.

Волжанин (Израэльсон) Осип. *Юный Горький (Из моих литературных воспоминаний)*. АГ-МОГ-2-55-1.

Горький Максим. *«Несвоевременные мысли» и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.)*. Москва: Советский писатель, 1990.

Горький Максим. *О евреях*. Варшава, 1906.

Горький Максим. *О Кавказских событиях*. Женева, 1905.

Горький Максим. *Полное собрание сочинений* (далее — *ПСС*). Серия: *Письма*. В 24 т. Т. 2. Москва: Наука, 1997.

Горький Максим. *ПСС*. Серия: *Письма*. Т. 10. Москва: Наука, 2003.

Егорова Юлия. «Еврейский вопрос в жизни и творчестве М. Горького». *Conversatoria Litteraria*. Rok IV–V (2011–2012). Siedlce — Banska Bystrica. 2012. Pp. 119–132.

Егорова Юлия. «Два пути к человеку: М. Горький и Шолом-Алейхем». Уртминцева Марина (ред.) *Горьковские чтения: Материалы XLI Международной научно-практической конференции*. Нижний Новгород: Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского, 2024.

Ерёмина Ирина. «Горький и болгарские писатели: (философский аспект): [П. Тодоров, П. Славейков, Г. Бакалов и др.]». Зайцева Галина (ред.). *Горьковские чтения, 1993: Материалы конф. «А. М. Горький и литературный процесс XX века»: (к 125-летию со дня рождения А. М. Горького)*. Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1994.

Закрадка Милан. «Чешская газета о М. Горьком: визит к Максиму Горькому». *Вопросы литературы* 3 (1993): 356–358.

Коздой Цви. «Беседа с Максимом Горьким о сионизме и еврействе». *Ха-Мелиц*. Петербург. 30 октября 1902.

Лазарев Владимир. «Несвоевременные мысли» М. Горького в довоенной Чехословакии: [Перевод на чешский язык «Несвоевременных мыслей» и «Обращения к народу и трудовой интеллигенции» Г. П. Максой и публикация С. К. Нейманом в 1919 г. в журн. *Червен*]. Иван Кузьмичев (ред.). *Горьковские чтения, 1990: Материалы конференции*. Ч. 1. *М. Горький и революция.* Нижний Новгород: Волго-Вятское книжное издательство, 1991.

Ленин Владимир. «Нужна ли “самостоятельная политическая партия” еврейскому пролетариату». *Полное собрание сочинений*, 5-е изд. Т. 7. Москва: Политиздат, 1959: 117–122.

Медведенко А. «Горький в Буэнос-Айресе». *Нижегородская правда*. 27 марта 1993: 5.

Новая жизнь. Петроград. 20 июля 1917.

Новое время. 18 апреля 1903.

Орёл Лариса. «“М. Горький и Украина” в творческом наследии Василия Орла». *Кавказские маршруты Максима Горького: сборник научных статей.* Краснодар: Экоинвест, 2019: 179–188.

Суворова А. «Пять неопубликованных писем М. Горького Шолом-Алейхему (по фондам Архива “Бейт Шолом-Алейхем”)». *Сборник статей по еврейской истории и литературе*. Израиль. 1994.

Тейтель Яков. *Из моей жизни. За сорок лет*. Париж: Изд-во Я. Поволоцкого, 1925.

Трайнин Илья. «От дерзаний буревестника к болоту обывателя. Горький о евреях». *Жизнь национальностей* 11 (1922): 6.

Уайл Ирвин. *Максим Горький: взгляд из Америки: книга о жизни и творчестве А. М. Горького.* Москва: Мир книги, 1993.

Уральский Марк. *Горький и евреи: по дневникам, переписке и воспоминаниям современников* / предисл. С. Гардзонио, О. Шуган. СПб.: Алетейя, 2018.

REFERENCES

Agurskij Mihail, Shklovskaya Margarita. *Iz literaturnogo naslediya. Gor'kij i evrejskij vopros*. Ierusalim: Evrejskij universitet, Centr po issledovaniyu i dokumentacii vostochnoevropejskogo evrejstva, 1986.

Arhiv A. M. Gor'kogo IMLI RAN — dalee AG.

Volzhanin (Izrael'son) Osip. *Yunyj Gor'kij (Iz moih literaturnyh vospominanij)*. AG-MOG-2-55-1.

Gor'kij Maksim. "*Nesvoevremennye mysli" i rassuzhdeniya o revolyucii i kul'ture (1917–1918 gg.)*. Moskva: Sovetskij pisatel', 1990.

Gor'kij Maksim. *O evreyah*. Varshava, 1906.

Gor'kij Maksim. *O Kavkazskih sobytiyah*. Zheneva, 1905.

Gor'kij Maksim. *Polnoe sobranie sochinenij* (dalee — *PSS*). Seriya: *Pis'ma*. V 24 t. T. 2. Moskva: Nauka, 1997.

Gor'kij Maksim. *PSS*. Seriya: *Pis'ma*. T. 10. Moskva: Nauka, 2003.

Egorova Yuliya. «Evrejskij vopros v zhizni i tvorchestve M. Gor'kogo». *Conversatoria Litteraria*. Rok IV–V (2011–2012). Siedlce — Banska Bystrica. 2012: 119–132.

Egorova Yuliya. «Dva puti k cheloveku: M. Gor'kij i Sholom-Alejhem». Urtminceva Marina (red.) *Gor'kovskie chteniya: Materialy XLI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosuniversitet im. N. I. Lobachevskogo, 2024.

Eryomina Irina. «Gor'kij i bolgarskie pisateli: (filosofskij aspekt): [P. Todorov, P. Slavejkov, G. Bakalov i dr.]». Zajceva Galina (red.). *Gor'kovskie chteniya, 1993: Materialy konf. «A. M. Gor'kij i literaturnyj process XX veka»: (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya A. M. Gor'kogo).* Nizhnij Novgorod: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1994.

Kozdoj Cvi. «Beseda s Maksimom Gor'kim o sionizme i evrejstve». *Ha-Melic*. Peterburg. 30 oktyabrya 1902.

Lazarev Vladimir. «Nesvoevremennye mysli» M. Gor'kogo v dovoennoj Chekhoslovakii: [Perevod na cheshskij yazyk «Nesvoevremennyh myslej» i «Obrashcheniya k narodu i trudovoj

intelligencii» G. P. Maksoj i publikaciya S. K. Nejmanom v 1919 g. v zhurn. *Cherven*. Ivan Kuz'michev (red.). *Gor'kovskie chteniya, 1990: Materialy konferencii. Ch. 1. M. Gor'kij i revolyuciya*. Nizhnij Novgorod: Volgo-Vyatskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991.
Lenin Vladimir. «Nuzhna li "samostoyatel'naya politicheskaya partiya" evrejskomu proletariatu». *Polnoe sobranie sochinenij*, 5-e izd. T. 7. Moskva: Politizdat, 1959: 117–122.
Medvedenko A. «Gor'kij v Buenos-Ajrese». *Nizhegorodskaya pravda*. 27 marta 1993: 5.
Novaya zhizn'. Petrograd. 20 iyulya 1917.
Novoe vremya. 18 aprelya 1903.
Oryol Larisa. «"M. Gor'kij i Ukraina" v tvorcheskom nasledii Vasiliya Orla». *Kavkazskie marshruty Maksima Gor'kogo: sbornik nauchnyh statej*. Krasnodar: Ekoinvest, 2019: 179–188.
Suvorova A. «Pyat' neopublikovannyh pisem M. Gor'kogo Sholom-Alejhemu (po fondam Arhiva "Bejt Sholom-Alejhem")». *Sbornik statej po evrejskoj istorii i literature*. Izrail'. 1994.
Tejtel' Yakov. *Iz moej zhizni. Za sorok let*. Parizh: Izd-vo Ya. Povolockogo, 1925.
Trajnin Il'ya. «Ot derzanij burevestnika k bolotu obyvatelya. Gor'kij o evreyah». *Zhizn' nacional'nostej* 11 (1922): 6.
Uajl Irvin. *Maksim Gor'kij: vzglyad iz Ameriki: kniga o zhizni i tvorchestve A. M. Gor'kogo*. Moskva: Mir knigi, 1993.
Ural'skij Mark. «*Gor'kij i evrei: po dnevnikam, perepiske i vospominaniyam sovremennikov*» / predisl. S. Gardzonio, O. Shugan. Sankt-Peterburg: Aletejya, 2018.
Zakradka Milan. «Cheshskaya gazeta o M. Gor'kom: vizit k Maksimu Gor'komu». *Voprosy literatury* 3 (1993): 356–358.

Јулија Јегорова

УЛОГА М. ГОРКОГ У ФОРМИРАЊУ СЛОВЕНСКО-ЈЕВРЕЈСКОГ ДИЈАЛОГА

Резиме

Овај чланак представља својеврсни увод, преглед предстојећег истраживачког рада посвећеног теми „Јеврејско питање у животу и стваралаштву М. Горког". Писац је био једна од оних књижевних и културних фигура које су директно и активно учествовале у успостављању пријатељских односа и развијању друштвено-политичких, културних, економских и друштвених веза између свих народа, бранећи право сваке нације на постојање, слободу, независност и идентитет. Горки је одбацивао и на све начине се борио против феномена као што су антисемитизам, шовинизам и нацизам. Искуство његове борбе и његов став су и данас непроцењиви, у периоду заоштравања многих међуетничких сукоба.

Кључне речи: Горки, словенско-јеврејски дијалог, антисемитизам, погроми.